

Мария Наумова

Студентка 1 курса магистратуры Школы культурологии, факультета гуманитарных наук, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

E-mail: naoumova.maria@gmail.com

«Детские свидетельства о себе в журналах “Чиж” и “Пионер”»

(статья написана по итогам дипломной работы 4 курса)

Ключевые слова: «Пионер», советские школьники, война, образ врага, фашизм, 1930-е годы, свидетельства о себе.

В истории СССР 1930-е годы – это период, когда культурная политика становится инструментом воздействия на советских людей и формирования нового поклонения. Это десятилетие в основном определяют через те политические события и сдвиги в проведении определённой политической тактики, которые можно выделить при чтении медиа, конструирующих представления о внешней и внутренней политике, абсолютных врагах, предателях и союзниках.

В данной статье я остановлюсь на проблеме подготовки школой и журналами детей к войне, а также на том читательском отклике, который публиковался в журналах «Пионер» и «Чиж» за 1930-1939 гг. в специальных рубриках вроде «Почта» (в «Пионере») и «Умная Маша» (в «Чиже»).

Maria Naumova

1st-year master of the School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research

University Higher School of Economics

Address: 105066, Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4.

E-mail: naumova.maria@gmail.com.

«Children's ego-documents in Soviet magazines "Chizh" and "Pioneer"»

Key words: "Pioneer", soviet pupils, war, image of the enemy, fascism, 1930's, ego-documents.

Детская литература и публицистика XX века являются показательным примером того, как идеологическая ангажированность и насыщенность политическими смыслами могут проникать в тексты и создавать мотив к определённым действиям. Особенность именно литературы для детей в том, что ребёнок более подвержен влиянию слова и доверяет авторитетному писателю или человеком с обширным, например, военным опытом, которому ребёнок не может противопоставить ничего в ответ, будучи обделенным как насыщенным жизненным опытом, так и какими бы то ни было ценными знаниями для развенчивания мифов, представленных в статьях и произведениях. Книги как «агенты влияния» и воспитательный ресурс, таким образом являются продуктивным средством, во-первых, пропаганды определенного воззрения и точки зрения на события во внешней и внутренней политике и, во-вторых, культурной политики как инструмента, влияющего на нерелексивную, эмоциональную область, которая определяет отношение человека. Всё это делает исследование явной и скрытой пропаганды и отклика детей на это воздействие продуктивной темой для изучения.

ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

В 1930-е годы основным внешним врагом СССР считалась мировая буржуазия и империализм. Претензии СССР носили экономический и социальный характер, как можно заключить из печатавшихся в детских журналах статей, и строились по нескольким линиям: во-первых, имперские страны репрезентировались в качестве угнетателей рабочего класса, не желающих обеспечивать нормальные условия для труда и заработную плату; во-вторых, нередко встречается мотив, когда капиталист ради своей выгоды и выгоды компании разлучал семью, изматывал детей на работе, давая им столь же тяжелую работу, что и взрослым¹. Такие примеры должны были вызывать у читателей ненависть к классовому врагу, благодарность и чувство гордости по отношению к СССР, чувство жалости к своим сверстникам, которым не посчастливилось жить в Советском государстве.

Помимо прочего, в СССР важнейшими качествами, которые воспитывала детская литература, были честность и верность, поэтому, капиталистические страны, будучи антиподами СССР, наделялись прямо противоположными качествами: стремление

¹ «...Есть, конечно, закон о сокращении рабочего дня, есть фабричная инспекция, но это все только смешные игрушки «демократии», а когда делегация молодежи пришла к министру требовать, чтобы исполнялся закон о шестичасовом рабочем дне, он захохотал и спросил у нее: - Разве такие дурацкие законы еще существуют?» - Пионер (1932). Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №2, с. 12.

обладать новыми территориями, жадность, вероломность, причём в вину этим странам вменялся не только обман противников, но и союзников².

Они акцентировали внимание на первостепенной важности обороны СССР, поскольку он является ориентиром и идеалом для всех стран, стремящихся к социализму, и его поражение подорвёт веру всего рабоче-крестьянского народа в победу революции. Вместе с тем освобождение захваченных нацистами и фашистами стран³⁴⁵, нуждающихся в экономической и военной поддержке, откладывалось до тех пор, пока, как это объясняли идеологи, сама нация-освободитель не станет чистой, смыв с себя налёт антимарксистских течений и избавившись от внутренних шпионов, поддерживающих капиталистов, что позволяло СССР сохранять образ борца за правосудие и при этом минимально помогая странам, страдающих от фашистских режимов.

История отношений между СССР и Германией на протяжении всех тридцатых годов отличалась крайней нестабильностью. После Октябрьской революции и окончания Гражданской войны Германия стала одной из первых стран, с которыми СССР заключил длительные экономические соглашения. Специфика внешнеполитического положения Советского Союза определялась тем, что в течение 1917-1924 гг. он была в состоянии изоляции. Страны Антанты, победившие в Первой мировой войне, готовы были признать власть большевиков и начать строить деловые отношения при условии уплаты долгов,

² «Можно вспомнить историю. В 1914 году, когда началась мировая война, Италия была союзницей Германии. Все ожидали, что вот-вот она вступит в войну на стороне Германии. А она неожиданно выступила на стороне ее врагов. Но если капиталистические страны так относятся друг к другу, то сколько козней должны они готовить против страны социализма?!» - Пионер (1937). Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №5, с. 5.

³ «Защищая Мадрид от фашистов, испанские бойцы вспоминают красный Петроград 1919 года; французские коммунисты зовут на борьбу за свободную, сильную, счастливую Францию, против угрозы германского фашизма, застрельщика чудовищной мировой бойни; немецкие дети, отцы которых сидят в фашистских тюрьмах, думают про себя: «Есть на свете Москва!» - Пионер (1937) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №5, с. 5.

⁴ Фашизм поставил всю страну на колени. Он всю ее сделал царством произвола, бесправия, Средневековья. ... Он думал запугать массы, охваченные растущим революционным недовольством. Но как можно запугать революцию?

Возмущение растет повсюду, и в рядах борцов против фашизма выступают не только взрослые пролетарии, не только молодежь, но и дети.

Тюрьмы в Венгрии переполнены детьми.

Теперь фашизм пошел еще дальше. Сейчас в Венгрии введена смертная казнь для детей, обвиненных в помощи «бунтовщикам».

Так в самом центре европейской «демократии» и «цивилизации», как в годы Средневековья, будут убивать, резать, вешать, расстреливать детей только за то, что они не хотят быть рабами. – Пионер (1932) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №2, с. 10.

⁵ Едва выйдя из этого ада, дети сразу же попадают под наблюдение фашистских надсмотрщиков, которые обрабатывают их по-своему и приучают их умирать за «дуче» - фашистского вождя Муссолини.

<...>

Дети пролетариата плюют на фашистские заповеди и переделывают их по-своему:

«Я всегда готов отдать свою жизнь за революцию».

И в подземельях фашистского ада, в застенках фашистских тюрем, перед кровавыми фашистскими трибуналами они бесстрашно смотрят в глаза палачам, всегда готовые биться, побеждать и умереть за революцию, за освобождение от рабства, бесправия и нищеты, порожденных капитализмом. - Пионер (1932) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №2, с. 12.

числившихся за царским и временным правительством, и компенсации национализированной собственности иностранных граждан, что определило поворот в сторону блока стран-проигравших, позволявший противостоять странам-победителям и через это противоборство добиться пересмотра сложившегося соотношения сил и признания. Таким образом, было положено начало сближению СССР и Германии: в 1922 году был подписан договор о восстановлении дипломатических отношений, в 1925 году – торговый договор, в 1926 году – договор о ненападении и нейтралитете. Примеру Германии последовала Италия, с которой СССР заключил торговый договор в 1924 году, после того как в 1923 году итальянский парламент проголосовал за признание Советского Союза⁶. После прихода Гитлера к власти в 1933 году отношения между СССР и Германией начали постепенно меняться. Тем не менее, по некоторым линиям сотрудничество между двумя странами в рамках уже заключенных соглашений сохранялось до 1935 года. Тогда председатель советского правительства В.М. Молотов комментировал отношения с Германией следующим образом «у нас не было и нет другого желания, как иметь и дальше хорошие отношения с Германией. Всем известно, что Советский Союз проникнут глубоким стремлением к развитию отношений со всеми государствами, не исключая и государств с фашистским режимом»⁷. Однако с конца 1935 года конфликт между двумя странами резко обострился в связи с участвовавшими нападениями на торговые представительства и советских граждан в Германии, растущими темпами германского перевооружения и подписание договора о ненападении Германии и Польши в 1934 году. Партнёрство СССР с Германией было свернуто вплоть до 1938-1939 годов, когда, во-первых, Франция и Великобритания договорились с Италией и Германией о разделе Чехословакии в сентябре 1938, и, во-вторых, в ходе тройственных советско-франко-британских переговоров (апрель-август 1939) Москве отказали в просьбе выставить крупные воинские силы в случае войны с Германией и договориться с Польшей о пропуске советских войск через их страну. В августе 1939 года был подписан пакт Молотова-Риббентропа, после которого Гитлер, выступая в Рейхстаге, заявил, что Советский Союз «не является уже большевистским государством, он просто авторитарная военная диктатура, ничем не отличающаяся от нас»⁸.

Неоднозначная ситуация во внешней политике определяла различные вариации при конструировании образа врага.

⁶ Дамье В. (2014) Стальной век: Социальная история советского общества. М.: ЛЕНАНД. С. 161. (Размышляя об анархизме. № 26). С. 180-181.

⁷ Молотов В. (1937) Статьи и речи 1935-1936. М., С. 18-19.

⁸ Read A., Fischer D. The deadly embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact, 1939-1941. L., 1988. P. 287; Международные коалиции и договоры накануне и во время Второй мировой войны. Реферативный сборник. М., 1990. С. 84.

Хотя на протяжении почти всех тридцатых годов читателей советской прессы предупреждали, что главной угрозой в Европе является Германия, начавшееся в 1939 году сближение Москвы и Берлина вынудило советское руководство сменить акценты. Журнал «Пионер» цитирует выступление Сталина на XVIII съезде ЦК ВКП (б) от 10 марта 1939 года: «Англия, Франция и США, против которых, в конечном счете, ведется эта война, пытаются сторговаться с захватчиками, пытаются отвести их мечи от своих владений. Пусть Япония впутается в войну с Китаем, думают они, пусть Германия ввяжется в войну с СССР, а потом, когда они ослабнут в результате войны, мы выйдем на сцену и продиктуем свои условия»⁹.

ШКОЛА

Начиная с первой половины 1930-х годов, школа менялась, всё больше унифицируя педагогические практики массовой учебной работы. За годы первой и второй пятилеток открылось 40 тысяч новых школ, было издано множество постановлений ЦК ВКП(б), координирующих работу педагогов и школ: постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 25 июля 1930 года давало возможность для детей 8-10 лет и переростков 11-15 лет пройти начальную школу за 4 года в первом случае, и за 1-2 года во втором; постановление «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 года прекращало эксперименты в сфере преподавания, устанавливало жесткие принципы организации, предложив узкий круг выбранных предметов (родной язык, физика, математика, химия, география, история), которые были должны подготовить детей для дальнейшей работы на заводах и фабриках¹⁰, и дополнительные часы общественно-политических дисциплин, преподаваемых участниками партийных организаций в школах-семилетках, педтехникумах и педвузах – впоследствии это постановление было дополнено другим: «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936, которое призывало ликвидировать педологию, как науку, поскольку её теория о влиянии биологических факторов и социального окружения на учащегося, показывающая недостатки жизни в «обществе трудящихся», были опасны для проводимой политики.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 года по сути прерывало существование школы марксистской исторической науки М.Н. Покровского (1868-1932), построенной на практическом применении истории, взаимосвязи общественно-экономической формации и технологии. В 1920-е годы концепции Покровского были положены в основы

⁹ Пионер (1939) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №3, с. 6.

¹⁰ Расписание перемен: очерки образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение. с. 473-474.

исторического образования в СССР. Школа Покровского порывала с традицией изучения истории как судьбы государства и биографий великих людей, концентрируясь на истории общества, эволюция которого определялась развитием социально экономических отношений. Другой важной особенностью школы Покровского было то, что она рассматривала историю России не изолированно, а в контексте мирового социально-экономического процесса. В 1930-е годы такой подход уже явно противоречил формируемому культу государства и культу личности Сталина. Покровского посмертно обвинили в недостатке патриотизма и «вульгарной социологии», а общая логика изложения истории в школьных и университетских учебниках стала примерно такой же, как и до революции, лишь дополнившись вкраплениями, посвященными тяготам трудящихся масс и единичным эпизодам классовой борьбы. Постановление возвращало дореволюционную традицию преподнесения истории через патриотизм, в первую очередь русский патриотизм, игнорировало классовый подход при рассмотрении конкретных событий и создавало его видимость за счёт включения историй о революционерах, народных вождях, русских полководцах и правителях, Сталине, Ленине и Кирове.

В результате подобных контрреформ в школе выработалась строгая вертикаль, контролирующая организационные, административные, учебные и другие механизмы работы учебного центра, и выпускавшая затем учеников, которые в ходе проведённой политико-идеологической работы получали набор образов-стереотипов, активизировавшийся при упоминании агрессии или возможности войны против СССР. Дополнительным пунктом влияния выступал страх отклониться от политики «сталинского единomyслия».

ЖУРНАЛЫ

Нововведения правительства, вроде «Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 года, «О работе пионерской организации» от 21 апреля 1932 года, «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими заданиями» от 23 апреля 1934 года», подготовили почву для того, чтобы у детей с детства выработался способ чтения, анализа и разбора статей, рассказов, заметок, публиковавшихся в журнале «Пионер». Если до 1930-х годов, по мнению Н. Лебиной¹¹, была установка на приобщение школьников и рабочей молодёжи к художественной

¹¹ Лебина Н. (2015) Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение.

литературе, стремление сделать чтение одним из основных способов проведения досуга, то после того, как Каганович Л.М. выступил на IX съезде ВЛКСМ с критикой навязывания интереса к чтению и заменой этого направления на «изучение контрольных цифр пятилетки» ситуация изменилась. Журналы должны были переквалифицироваться на печатание статей с расчётом на то, что школьник, прочитав их, сможет получить необходимые сведения, которые помогут понять призывы партии и принимать участие в агитационных мероприятиях, направленных на популяризацию достижений партии. Таким образом у учащихся вырабатывался особый навык чтения и анализа текста, который учил определять и выявлять врага социалистического государства. Образ врага, который, с одной стороны, делился на внешнего и внутреннего, из-за чего разнилось ощущение опасности от отдалённого врага, до близкого и способного нанести вред здесь и сейчас, с другой стороны, к середине 1930-х годов начал смешиваться, что позволяет выделить несколько общих определений, которые указывают на общие представления о том, как должен вести себя и выглядеть враг. Такой человек должен был не поддерживать советскую власть, то есть быть не настоящим большевиком (троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы) или иностранцем, принадлежать к классовым врагам, то есть быть кулаком, принадлежать к духовенству, портить общественное имущество, вредить индустриализации и агитировать в поддержку контрреволюции¹². Из этого может следовать, что подобная смена нарратива с развлекательного на агитационный, даже с учётом того, что в журнале печатались романы и рассказы, которые между тем имели цель проиллюстрировать проблемы и положение различных классов в других странах, выработать позитивный образ Советского Союза, показать каким должен быть настоящий «новый человек» и враг, настраивала читателя на то, что мир в ближайшее время может измениться. И если в начале 1930-х годов эта угроза существовала в виде мифической империалистической войны, то с середины 1930-х годов в связи с Гражданской войной в Испании, где СССР принимал участие на стороне республиканцев, она приняла более оформившиеся черты в виде нацеленного обсуждения и обвинения определённых стран, которыми обычно являлись Япония, Германия и Италия.

Мир журнала, обладающего авторитетом и репутацией идеологически правильного и верного, благодаря тому, что издаётся непосредственно ВЛКСМ и издательством «Правда», вращается вокруг концепций «врага», «индустриализации» и «пятилетки», «братства народов Советского Союза», «памяти о прошлых победах» и «жизни в

¹² «А больше всего ненавистна им страна социализма, где уничтожены эксплуататорские классы, где у власти рабочий класс, где все нации равны, где наука свободна. Против этой страны, против нашей родины в самую первую очередь готовят фашисты войну, к нам они засылают больше всего шпионов, вредителей, диверсантов и троцкистских бандитов». - Пионер (1937). Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №3, С. 64.

капиталистических странах». На их фоне читатель должен сделать вывод, что он живёт в справедливой, развивающейся стране, свободной от классовых предрассудков, гендерного неравенства, но, как и многие страны, находящиеся в процессе становления и только нашедшие свой истинный путь, имеет проблемы, которые могут быть в ближайшее время преодолены с помощью упорства рабочего класса и победы над «вредителями», которые проявляют себя на разных уровнях: от кулаков, борющихся с советской властью, до партийных лидеров, которые оказались предателями и сторонниками контрреволюции. Читатель благодаря подобным маркерам сразу находит себя включённым в двойственную систему, где ты либо товарищ и друг, либо враг и предатель родины.

В качестве примеров я приведу два советских детских журнала, издававшихся на протяжении 1930-х годов, то есть в предвоенный период, - журналы «Чиж» и «Пионер». Эти два журнала, в чём-то являвшихся антиподами, показывают не только, как идеология влияла на ребёнка, но и как ребёнок на неё отзывался в специальных рубриках – «Почта» в «Пионере» и «Умная Маша» в «Чиже».

Центральным органом детской печати в СССР к 1930-м годам стал журнал «Пионер». Он был далеко не единственным изданием подобного рода, но существенно отличался как от «Пионерской правды», которая выходила в газетном формате, так и от других детских журналов, не имевших столь высокого официального статуса.

В отличие от «Пионера», который выпускался издательством «Правда», и, следовательно, обладал всеми привилегиями главного рупора ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, другой журнал – «Чиж» — происходил из иной среды: он выпускался издательством «Детгиз», которое, как и этот журнал, был создан одной командой, главным идеологом которой был Самуил Маршак, уже имевший большой опыт в руководстве детскими журналами в 1920-х годах («Воробей», «Новый Робинзон»). Другими словами, хотя «Чиж» тоже был обязан проходить предварительную и последующую цензуру Главлита, однако его нельзя окончательно назвать пропартийным, что отразилось на его судьбе: в 1937 году многие редакторы, писатели, художники были уволены или репрессированы по политическим мотивам (Г. Дитрих, Т. Габбе, А. Любарская), были приговорены к расстрелу Н. Олейников (как «участник контрреволюционной троцкистской организации») и Б. Малаховский (из-за неблагонадежного этнического происхождения был записан в польские шпионы); после произошедшего были приглашены новые авторы: М. Зощенко, Ю. Герман, Е.Данько, Л.Квитко.

Отдельно стоит выделить разницу в аудиториях, на которых ориентировались журналы: «Пионер» работал с детьми от 14 и старше, а «Чиж» — с дошкольниками и октябрятами, что объясняет разницу в подаче материала, присутствия или отсутствия

некоторых сюжетов: например, в «Чиже» регулярно печатают сказки про зверей, транслирующие обычный набор моральных категорий: любить друзей, быть смелым и умным, заступаться за младших; но зато в нём нет отчётов о работе ВЛКСМ или переложений основных идей очередного съезда ЦК ВКП (б) как в «Пионере». Помимо этого, в «Чиже» рассказчиком обычно становится взрослый человек, тогда как в «Пионере» часто возникают деткоры, которые создают смешанный образ нарратора: вторая модель была более предпочтительной, тогда как «Чижа» постоянно обвиняли в отрыве от детских масс, насаждении буржуазной идеологии и отвлечении детей от реальной жизни, что было следствием политики преследования педологов (Грачева, 2016), привлекавших исследования из медицины, психологии, педагогики и биологии для изучения влияния врождённых особенностей и факторов среды на развитие ребёнка.

Неотъемлемой частью обоих журналов был интерес к легендам и мифам народов мира и в первую очередь народов, проживающих на территории СССР. Они позволяли привить детям мысль о том, что в СССР живут разные народы, традиции и обычаи которых могут не совпадать с их собственными. Через знакомство со сказкой читатель учился уважать национальные меньшинства и другие народы, что являлось одной из основных задач государства и одним из пунктов, по которому СССР строил различительную линию между собой и внешним врагом. Вместе с тем, то, как зачастую подавался образ «другого» говорит о скрытом превосходстве русского народа над остальными: образ китайца подавался через клише «весёлый китайчонок», придуманное Агнией Барто; африканцы репрезентировались через клише «смелый полуголый дикарь», верящими в будущее господство коммунизма. Такого отважного, но необразованного собрата нужно было научить, взять над ним опеку, что порождало чувство ответственности за другие народы.

Индустриализация требовала включить детей из разных культур в общий контекст современного индустриального образа жизни, в котором находились их сверстники из более крупных городов. Этой цели служила даже публикация сказок. Они часто становились посредниками между дискурсом власти и обыденным языком, обеспечивающими подготовку к дальнейшему восприятию пропагандистских лозунгов, чтению декретов и отчетов со съездов партии (последнее печаталось исключительно в «Пионере», «Чиж» работал с другой аудиторией) и т.д.

В течение второй половины 1930-х годов происходит объединение тем индустриализации и войны: они воспринимаются как часть единого процесса в связи с целенаправленной подготовкой к войне. В связи с этим, в журнале «Пионер» стали появляться научные статьи о ручных гранатах, в которых подробно рассказывалось о том,

какие виды бывают, как их применять, с какой дистанции бросать, и здесь же появляется история солдата, который уничтожил противника таким-то приёмом с такого-то расстояния¹³: в итоге, происходит совмещение элементов игры и жизненно необходимой в условиях войны информации.

В «Чиже» таких чётких указаний нет, зато проводится связь между учёбой в школе и победами на границе, что позволяет ученику, во-первых, ассоциировать себя с пограничником, а, во-вторых, делать вывод, что отличные знания в школе позволяют быть таким же отличным пограничником¹⁴.

ИДЕАЛ ШКОЛЬНИКА – ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одной из самых главных таких предпосылок стал культ героя Гражданской войны. Ребята 1920-х и 1930-х годов испытывали страшную зависть по отношению к тем бойцам,

¹³ «И ручные гранаты могут быть использованы по-разному. Бросание гранат сразу, перед ударом в штыки, обессиливает противника, и он плохо сопротивляется. Так, в бою у озера Хасан 4 августа 1938 года рота красноармейцев, заняв высоту, залегла. Впереди, в ложбинке, засел взвод японцев. Чтобы двигаться дальше без больших потерь, нужно было убрать японцев, спрятавшихся в ложбинке. Тогда политрук роты Ушаков с десятком красноармейцев пошел в обход. Зайдя во фланг (сбоку) японцам, группа Ушакова внезапно забросала ложбинку гранатами и с хода, не боясь «набежать» на осколки своих гранат, бросилась в штыки. Часть японцев была уничтожена, оставшиеся бежали» (Пионер, 1939, №1, 71).

¹⁴ «Пусть метель
И Пурга
Мы не пустим
Врага!
На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на чеку
Пограничники! Пограничник
Стоит
Нашу землю
Хранит.
Он стоит притаясь,
Не шевелится.
Встретить пулей
Готов
Пограничник
Врагов,
А кругом и пурга,
И метелица! Кто-то там
Вдалеке,
По замерзшей
Реке
Потихоньку бежит,
Озирается.
Это, видно,
Шпион.
В нашу родину
Он сквозь метель и пургу
Пробирается. (Чиж, 1938, №12, 6)

которым посчастливилось воевать против белых и «зелёных» за счастливое будущее Советского государства, по отношению к поколению своих отцов.

Советская публицистика и официальная культура всячески поддерживали эту тенденцию. Детям предлагались книги, кинофильмы и журналы, посвященные подвигам их выдуманных ровесников, которые, несмотря на юный возраст, руководили отрядами и выигрывали битвы. Здесь использовались два метода, воздействующие на психологию ребенка: во-первых, детям нравится, что герои для подражания – это их одноклассники; во-вторых, они любят истории со счастливым концом. Для детей важно, чтобы битвы, в которых принимали участие их любимые книжные и киногерои, завершались победой. Произведения, которые апеллировали к обоим этим факторам, прививали пионерам бесстрашие, уверенность в успехе. К такого рода произведениям относятся, например, «Красные дьяволята» (повесть Павла Бляхина «Красные дьяволята» была написана в 1921 году, первая чёрно-белая и немая экранизация «Красных дьяволят» была поставлена режиссёром Иваном Перестиани в 1923 году на Тбилисской киностудии «Киносекция НАРКОМПРОС Грузии»).

Этим героям не страшно на поле боя и всё даётся легко; им сразу видно кто – друг, а кто – враг. Такой тип книг не был лишён своей полезности, но вместе с тем он внушал детям неоправданную, в условиях постоянной подготовки СССР к войне, уверенность в легкой победе и триумфе, который может быть достигнут «малой кровью», а поэтому вскоре подобные книги стали считаться «псевдоромантическими» и не рекомендовались к чтению.

В действительности подобные произведения продолжали традицию романтических книг для юношей о войне, которые были так популярны в Италии, Великобритании и других странах в преддверии и во время Первой мировой войны. Они предлагали воспринимать войну как игру, как занимательное путешествие, позволяющее продемонстрировать собственный героизм. Также, как и в то время, основным жанром был приключенческий роман, предлагавший идеи агрессивного патриотизма, имперского величия и романтический образ войны, воспринимавшейся как нечто естественное и дело чести. Такой взгляд на войну не предполагал сострадания по отношению к покалеченным и погибшим товарищам – ведь они стали героями¹⁵. В СССР этот сентиментальный образ приобретёт черты патетической пропаганды, но бороться с самой конструкцией, вводящей ребёнка в заблуждение относительно характера военных действий и того, что на них будет происходить, начали примерно с середины 1930-х годов.

¹⁵ Мязотс (2015) Война как игра. Детские чтения. №2, с. 106-112.

ПРИМЕРЫ ДЕТСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

После перечисленного разнообразия представленных в журналах тем, можно было бы ожидать взрыва интереса к теме войны и индустриализации, однако, эти темы отсутствуют в письмах, которые шлют дети в редакции «Пионера» и «Чижа». Вплоть до 1935 года дети пишут о своей обычной жизни, о вещах, которые волнуют их лично: о том, как проходят их занятия, что находится вокруг их дома, как они ходят в лес, с кем они дружат или враждуют, иногда они просят совета в сложной ситуации или ищут поддержки своего мнения. В большинстве своём эти сообщения не порождают масштабной дискуссии (интересным исключением является статья «Враг ли Наташка?» и развернувшийся спор детей вокруг оценки поступка девочки), они пишутся с целью поделиться с другими детьми, живущими в СССР, своими переживаниями, пережить радость узнавания, сопереживания и понимания проблем других ребят, что вместе позволяет говорить о попытке понять эту общность, к которой они все принадлежат в силу территориального единства, свою идентичность как «советских детей», «советских граждан» - иными словами, почувствовать реальность этого сообщества, в котором они существуют. Дети говорят о том, что их волнует: журнал они воспринимают как площадку, которая может с одной стороны тебя сделать известным, а с другой стороны, поможет собрать единомышленников.

Со второй половины 1930-х годов тема приобщения к некоей общности детей-коммунистов получает своё развитие благодаря Гражданской войне в Испании, а также рассказам о немецких и итальянских пионерах, которые рискуют своими жизнями и свободой ради общего дела – победы пролетариата. Что интересно, этот сдвиг происходит на фоне начинающегося разочарования и постепенного отказа от идей интернационализма в пользу национальной политики. Тем не менее, дети реагируют на предложенный вариант своими письмами.

В журнале печатаются обращения испанских коммунистов, письма солдатских детей своим родителям, рассказы о мужестве испанских солдат и подлости фашистов и мятежников, пытающихся свергнуть республиканский режим. «Пионер» организовал переписку между советскими школьниками и солдатом Жоржем Дрейфусом, пишущим с испанского фронта.

«Дорогой товарищ Дрейфус! Вы говорите, что вам никто не пишет, вот я и хочу послать вам письмо, — пишет Калерия Веселова — Я давно хотела послать привет героям-республиканцам, но не знала, как это сделать...

Я каждый день читаю в газетах про Испанию. С радостью я читаю строчки, в которых говорится о храбрости республиканских летчиков, о новых победах над мятежниками. Когда я узнаю о зверствах подлых врагов народа – фашистов, — у меня навёртываются слезы. Хочется быть там, на фронте, вместе с республиканцами, хочется убивать этих бешеных псов, защищать свободу. Я горячо люблю испанский народ! Не знаю, как передать это. Хоть нас разделяют десятки сотен километров, но мысленно я всегда там. Если бы я была в Испании, то пошла бы на фронт. Я хорошо стреляю, владею противогазом, могу перевязывать раны, умею маскироваться и различать газы»¹⁶.

«Испанские рабочие бьются с испанскими фашистами, — пишет безымянный школьник. — Они не хотят, чтобы Испания стала фашистской страной, они сражаются за свою свободу, за счастливую жизнь для своих детей... В Испании и жены, и сестры рабочих сражаются с фашистами... Наступают фашистские танки. Бойцы встречают их гранатами»¹⁷. С помощью такой переписки дети словно становились участниками Гражданской войны.

В «Чиже» эта тенденция была выражена слабее, так как целевой аудиторией были дети от 5 до 8 лет, для которых ещё не существовало каких-то больших категорий, исключением является разве что целенаправленный сбор денег для детей Испании, воевавших против франкистов.

«Спасибо Умной Маше, меня надоумила. Давно хочу послать мои сбережения, не знала куда. Прошу переслать испанским детям мои сбережения – 6 руб. 7 коп. Тома Левина, 5 ½ лет».

«Прошу переслать испанским детям продукты. Буду собирать еще деньги. Пока посылаю 5 руб. 62 коп. Вызываю всех ребят, читателей «Чижа», собирать деньги испанским детям и помогать через редакцию «Чижа», пока их папы и мамы не победят фашистов. Таня Мочульская, 5 ½ лет».

«Прошу редакцию «Чижа» послать испанским детям на елку 1 рубль. Я знаю, что испанские трудящиеся борются за свою свободу с фашистами, хочу, чтобы рабочие победили. Женя Ларионова, 7 лет»¹⁸.

Постоянно напоминая детям, что в стране, поддерживающей коммунистические идеи, идёт война с фашистами, читателей делали наблюдателями Гражданской войны и через ощущение солидарности с горем и лишениями других детей и их родителей в Испании учили примерять на себя модель защитника Родины, отстаивающего свои убеждения в бою с фашистом.

¹⁶ Пионер (1937) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №5, с. 12.

¹⁷ Чиж (1937) Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ. №1, с. 28.

¹⁸ Чиж (1937) Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ. №1, с. 29.

Показательным примером тех рассказов и статей о войне в Испании является произведение Некрасова А. «Советский флаг», который повествует с позиции третьего лица, всё время находящегося в центре событий, о столкновении испанских фашистов с советскими моряками. В нем советские военные предстают в амплу добросердечных и сочувствующих несчастьям испанцев людей, готовых накормить и обогреть врага, а заодно и распространить среди них уверенность в том, что советская армия в конечном итоге победит, так как один их корабль моряков смог внести смуту в портовый город, около которого им пришлось по приказу врага остановиться.

В тексте выражена популярная в то время идея, что основная агрессия идёт от власти, а простой рабочий народ подчиняется из-за страха и неумения бороться против власти: в данном ключе советские граждане выступают в качестве просветителей-революционеров, несущих знание о свободе, и способных предотвратить войну с помощью агитпропаганды среди дружественного класса.

«Часовые спускались в столовую поодиночке, с опаской оглядываясь по сторонам, потом осмелели, накинулись на хлеб и на борщ, согрелись, развеселились и скоро дошли до того, что вместе с караульным начальником стали показывать на портреты, висевшие над столами, и вслух говорили:

«Сталин, Ленин, Ворошилов».

А новенькие немецкие винтовки мирно стояли в углу, под октябрьским номером стенгазеты, и, расходясь из столовой, часовые брали винтовки наизготовку и показывали: вот как они будут стрелять в Муссолини и в Франко. [...]

Дошло уже до того, что некоторые часовые по-военному салютовали нашему флагу, но так, конечно, чтобы не видел никто из своих. У фашистов салют красному флагу – опасное дело, за это можно остаться без головы.

Наконец, фашисты не выдержали. Прислали лощмана, убрали часовых и об’явили, что судно свободно. Уходя, часовые жали руки матросам и тихонько шептали:

«Вива Русия!»¹⁹.

Только к концу десятилетия начинают более или менее регулярно появляться письма другого содержания; дети начинают высказываться о войне и её скором начале, о том, как проходит их, всегда команды, а не одного человека, подготовка:

«...Мне эта игра понравилась. Но это была только игра, а ведь нам придется воевать по-настоящему, и враги у нас – подлые и злые фашисты. И мы должны быть сильными и смелыми, чтобы победить их. Сейчас я сдаю нормы на значок юного ворошиловского

¹⁹ Пионер (1937) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №3, с. 76-80.

стрелка. У меня будут 3 значка»²⁰; «Наш кружок гранатометчиков растет изо дня в день. Ребята стали бросать гранату далеко и метко.» [...]. В следующем письме группа членов кружка юных гранатометчиков пишет: «Мы так увлеклись этим, что почти все свободное время тренировались в метании гранаты стоя, лежа, с колена и сидя на лошади. Мы советуем всем ребятам Советского Союза последовать нашему примеру»²¹.

Подготовка к войне проводится через игру и неприятие абсолютного врага, концентрирующего в себе все те черты, которые не приемлет Советское государство.

Здесь же, благодаря этим примерам можно заметить, что прежний акцент на интернационале, дружбе между пионерами из разных стран, актуальный для 1935-1936 гг., исчезает из нарратива детей, что, по вполне понятным причинам, является результатом внешней и внутренней политике, поиска врагов, нескольких кампаний против иностранных подданных или же людей неславянского происхождения.

Особенностями писем, печатавшихся в журналах, была их выхоленность: по речи невозможно узнать, из какой они области; об их классе, принадлежности к группе говорит сам текст – дети тщательно описывают, откуда они и почему они пишут. Таким образом читателей подводили к некоему принятому варианту литературного русского языка, на котором должны были говорить дети, навязывая одну норму языка, что было связано с процессом декоренизации, введившим русский язык как официальный язык СССР, а русский народ как титульную нацию, поддерживающую единство государства.

Эта черта позволяет говорить о том, что письма были результатом отбора, корректировки и, возможно, редакции со стороны журнала. Таким образом письма детей являются одновременно и творчеством детей, и продуктом пропаганды, поскольку отбирались наиболее «правильные» или «нейтральные» (если мы говорим о начале 1930-х годов), возможно вносились правки в речь, стилистику, орфографию, что позволяет говорить о некоторой их сделанности.

²⁰ Пионер (1939) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №1, с. 75.

²¹ Пионер (1939) Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». №1, с. 72.

Библиография:

Источники и документы:

1. Журнал «Пионер» Изд.: ЦК ВКП (б) «Правда». 1930-1939 гг.
2. Журнал «Чиж». Л.: Детгиздат ЦК ВЛКСМ – 1930-1939 гг.
3. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.
4. Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 567.
5. Горький М. (1919) Слово к взрослым. [О задачах журнала для детей], "Северное сияние", № 1—2.
6. Молотов В. (1937) Статьи и речи 1935-1936. М., С. 18-19.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 2. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) 2 июля 1930 г.
8. Народное образование в СССР. Сборник документов. М., 1974.
9. Международные коалиции и договоры накануне и во время Второй мировой войны. Реферативный сборник. М., 1990.

Исследования:

10. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007.
11. Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929—1953. — Монография. — СПб.: Академический проект, 2000.
12. «Время вперед!» Культурная политика в СССР. (2013) М.:ИД Высшей школы экономики.
13. Глущенко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015.
14. Глущенко И. Путешествия через пространство и время в книге Л. Лагина. Детские чтения. №2. С. 124—141, 2015.
15. Грачева Ю. Как воспитывали нового советского гражданина. Детские журналы 20-30-х годов // Togdazine.ru, 2016. (<http://togdazine.ru/project/kidsjournal/>).
16. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
17. Орлов И. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2010.
18. Образ врага. (сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова). М.: ОГИ, 2005.
19. Расписание перемен: очерки образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012.

20. Рассадин Ст., Сарнов Б. Рассказы о литературе. Москва: Детская литература, 1977.
21. Мязотс О. Война как игра. Детские чтения. №2. С. 106-112, 2015.